

1996 №11

СТИГ ЛАРССОН

От переводчика:
Стиг Ларссон родился в 1955 году.
Шведский поэт, драматург и
кинорежиссёр. В поэзии Стиг, названный
"enfant terrible своего поколения",
дерзок и иронично-многословен, в то же
время - задумчив и грустен, словно за
кадром.

Публикуемое стихотворение переведено по книге Стига
 Ларссона "Будущая работа".

ПОСМЕРТНАЯ МАСКА

Итак,
 на моём кухонном столе в послеполуденном солнце
 сверкающий
 коричневый сахар
 рассыпан, - в августовском
 тяжёлом полудне
 оранжево-коричневый
 сахар, - рассыпан дугой
 на матово-красной доске
 стола,
 который мой дедушка Виктор,
 приёмный отец моей мамы,
 столяр, постепенно обретший достаток
 и когда-то владевший участком,
 на котором коммуна, после того, как он продал ей пару
 ектаров,
 устроила то самое кладбище,
 где было лечь суждено самому продававшему, -
 да, вот, который (говорю о столе) усопший мой дед
 Виктор
 давно смастерил, - кажется, - где-то в начале пятидесятых, -
 стол, великолепный, в истинно функциональном
 стиле - "функис".
 И вот,
 когда нагляделся я
 на стены, на пол,
 и долго - на стол,
 стол долго, что больше не смог от себя пожелать
 способности
 времени бег осознать и сходящие в это подробности,
 тогда,
 вдруг,
 этот коричневый сахар, в этом вечере летнем,
 воспринимаемый всё более расплывчато,
 вдруг перестал
 быть мне - угрозой. И я ощутил,
 что это значит - быть
 вновь счастливым и потерянным.
 Не очень-то многие поняли в полном объёме,
 что слишком уж долго парят
 над излагаемым. А лёгкий, как пёрышко, отдых,
 с оттенками - некоего
 театра теней? - туда не проникнешь,
 не
 уйдёшь от зачатия мига - тобой совершённого! - если
 гипотезу
 выдвину - для простоты, - что всё-таки опыт
 твой
 уж не так и отличен
 от
 моего, - чтоб
 мы не могли говорить.
 Что получается? Лишь
 некий настрой карнавальный на нашем пути: сатанинские
 пробы
 песни всё той же - о тех же полах, власти как таковой,
 власти
 этого слова, другого, -
 всякого слова. И лишь обнажённость в тебе, - эта
 давняя рана,

ПОЭДИ "ЦИРКА ДАЛЛИ"

которую прячешь в обычной
 беседе - в моём
 подъезде. Вот, скажем,
 твоя
 собственная норма.
 Над теми, кто тебе безразличен,
 кто-то, -
 лучше уж сверхчеловек, -
 должен вершить правосудие. При
 этом,
 у каждого импульса твоего по
 отдельности
 есть, - выражимся так, -
 собственный
 авторитет.
 И как же тогда заставить кого-то
 увидеть мир
 таким,
 каким он просто-напросто
 не яв-ля-ет-ся?
 Ведь насколько обманчиво-
 расслабляющее
 себя убеждать, будто ты столь
 глубоко - в средоточии вихря,
 чье
 не ощущаемое никогда бытие
 образует
 всех мгновений - фундамент. А
 чашу
 с нашим - всею - мыслимой
 кровью
 трудно
 выплеснуть в мойку!
 Но не менее трудно -
 смерть посетить, - особенно,
 если высказана она - без прикрас.

Есть вещи, признания которых каждый из нас
 желал бы охотнее всего.
 Мужество - одно из качеств,
 в отсутствии которого в себе
 вряд ли признался бы человек.
 Мы не хотим, чтобы нас ущемляли,
 а,
 собственно,
 почему?
 Тихо плывёт, отражая море, северное прибрежное небо
 к моему
 (подчёркиваю это)
 покоя,
 во
 всевозможные беседы ночные,
 что обретают свою очаровательную тень
 (о, желанность
 всё той же идентичности!),
 что углубляют её
 во фразах любых, о которых я думаю.
 Удивление в глазах юного создания,
 только что получившего розу
 вот с таким - изогнутым улыбкой удивлением,
 с каким следует вдуматься в то обстоятельство,
 что тот, кто узнал: всё: что верным считал и надёжным
 всю свою жизнь,
 должно быть разъято теперь на мельчайшие части, -
 он тоже - как девушка эта, не сдерживающая улыбки,
 будто ощущает задор
 переворота,
 делая выдох в розовый угадываемый запах
 комнаты, -
 а отсюда бы следовало:
 необходимость уметь представлять себе этику,
 которую ещё не было сил
 так или иначе заметить
 и почувствовать ею себя окружённым,
 эта необходимость есть просто-напросто
 другое выражение
 того, что описывается - как
 "Бог", "надежда", "космос",
 а также того,
 что при этом откидываем, что никому
 не под силу быть тем, кто прав абсолютно
 ежедневно и ежесекундно,
 что есть
 нечто - от
 "отче-нашего" - по большому счёту.

Итак, - неужели именно - так? - неужели
 я ошибаюсь?
 Я не думаю, что это - так. Я ведь считаю, что существует
 радость (по поводу того, что жизнь существует),
 да, - радость жизни: во многих сценах - всё той же
 "Мамы Рома", у Пазолини, -
 я вдруг вспоминаю удивительно ясно
 последний кадр
 с величайшим пафосом и женским гневом
 в распёртых руках.
 Но наступит, быть может, время, когда я увижу,
 как то, что люблю,
 разрушается изнутри. Например,
 тот языковой лаконизм, направленный верно,